
В старом дворике
на Ланжероновской
Бог играет
на бандонеоне.
Любовь моя,
боль моя,
Одесса,
пришли мне море.

Я выйду в платье
цвета твоих
акаций
к белой реке,
похороненной
подо льдом,
и соль солнца твоего
не высохнет
на лице моем.
Пришли мне море,

Одесса,
пришли мне море
в конверте голубом.
Вечер спускается
сливовый,
официант выносит
на улицу чай,
луна молчит.
Ветер парков твоих
гладит засыпающих
детей по волосам,
Бог играет на
бандонеоне.
Душа его
болит.

Послушай, послушай - ты вытоптал вокруг траву
на белой ладони тебе отмежеванного поля,
но мерно качают косами длинные стебли,
и желтая соль зверобоя
вскипает у края твоей земли –

.....
там, послушай, растет твоя смерть
у теплых стволов рыжеватой
сосновой толпы.

И была твоя жизнь в доме
окнами к морю,
а за спиной твоей был
большой корабельный лес,
и был этот крест, который
ты вечно таскал с собою,
и была эта страсть –
жаждать Правды и ждать
неслыханную благую весть.

Послушай, послушай, ты вытоптал эту траву,

она не взойдет, не затянет земные раны,
ты натянешь холст на гнилую старую раму,
засветишь свечу и сядешь ждать, когда будущее
придет,
но время свернет с дороги
и пойдет по кругу,
по вытоптанному кругу в белобрысой траве -
входит промерзший Най-Турс и не протягивает
руку,
отводит взгляд Та,
что искала правду в тебе,
и вот ты теперь очерчен -
сорока-ворона варила,
варила черную кашу, кормила тебя сполна -
полно, душа, тревожить себя,
не было тебя краше,
брела жизнь по кругу,
по кругу,
да и вышла
вся.

Большое небо
пахнет черной смородиной
спелых звезд,
поезд идет по взморью.
— Смотри, это Кассиопея,
мой Валентин.
— Смотри, это Андромеда,
моя Валентина.

Море в начале пяти
будет ласковым,
как молоко,
влажные кудри твои
станут рыжими

в зеленом
утреннем свете.
— Хорошо ли тебе,
мой Валентин?
— Хорошо ли тебе,
моя Валентина?

На синей гальке
не останется наших следов,
чайки вздрогнут
и возьмут
немного правее...
— Три четверти века,
задравши головы,
глазеть на божьи пригоршни,
полные ягод -
это ли не здорово,
мой Валентин, это ли не здорово?
— Твоих веснушек
я не успел сосчитать,
их оказалось больше,
чем было отпущено времени,
море застилает
глаза.

— Я так счастлива,
мой Валентин.
— Я так счастлив,
моя Валентина.

Эти пальцы слишком тонки и прозрачны,
чтобы человечьими быть.

Сорок световых зим летит
бледно-голубая музыка,

но космос не слышит,
как теплы созвездия родинок,
и белые тени дышат
простором снежным,
и времени ком ложится
тяжестью нежной
в бледнеющую ладонь.

Пустота приходит в сердце –
огромная и святая,
полная звезд.
Не было правды
и никогда не будет,
и когда они прилетят,
не рассказывай им
о людях.